

Руссо не обосновал и не спаял воедино свои убеждения касательно «личности» философски и логически, не проработал их через *понятие новоевропейского «индивидуализма»*.

Но он первым прочувствовал до последнего донышка неповторимость «Я» и, как никто до него, очертил в феноменологическом плане *идею индивидуализма, которая лежит в сердцевине модернизации Нового времени, исподволь или открыто (как в протестантизме) проходя сквозь экономическую деятельность и другие аспекты модернизации*.

Как известно, в этом состояло открытие Макса Вебера. Подчеркну: таким образом, субъектность, прослеживаемая через анализ отдельных индивидуальных или серийных текстов, через микроисторию, относится вместе с тем к макроистории, к эпохальным культурным кодам, к метаморфозам мировой разумности.

Жан-Жака очень часто упрекали в раздвоении, противоречиях, несовпадении с самим собой. И усматривали причину в безумии и лжи самому себе. Но глубоко неадекватный человек, напротив, обычно сводится к одному исходному началу сознания, к части себя, утрачивая целостность и страшно обедняя свою человечность. Он «сам не свой». Он не способен более к малейшей рефлексии на себя.

Он прикован к *одному* навязчивому побуждению или началу своего поврежденного сознания, а при *раздвоении* между началами их разделяет пропасть. Теряя цельность и сложное самосознание, индивид, тем более развитый индивид-личность Нового времени, становится неполным, ненормальным человеком, не тем самым, кого мы в прошлом, возможно, знали и любили. Поэтому у близких – чувство горчайшей потери. Человек более *не похож на себя*, на того себя, на любимого человека.

Нормальный же человек тоже не похож на себя, но в совершенно другом, не психическом, а культурно-логическом и историческом плане. Он как раз поэтому не исчерпывается «непохожестью» на себя. Он своей неоднозначностью и подчас могучими противоречиями еще разительней узнаваем и оригинален. Все дело в том, что совпадение личной оригинальности и более или менее неизбежных, данных генетически или определенных социально, противоречий (сознания, мышления, поведения) означает возрастающую необходимость внутреннего диалога, разговора, пусть молчаливого и всегда не вполне, не окончательно додуманного, – разговора с миром и самим собой.

Руссо так занят собой, причем не в каком-то бытовом или тщеславном, а в бытийственном срезе, ибо он – личность, впервые в таком полном и неисчерпаемом смысле вылупившаяся из исторического яйца. Этим пронизаны «Исповедь» и – совсем необычно и странно, даже болезненно – «суд над Жан-Жаком». Впервые внутренний диалог в такой прямой и непосредственной форме *овнешняется*. Оставаясь внутренним!

В этом, разумеется, суть любого новейшего автобиографизма. Кто я такой, каков я *на самом деле*? Хочется (или не хочется), с достоинством (или ужасом) дознаться о себе?

Как писал (себе, в дневнике) Фрейд в последнюю пору жизни, сейчас никакой пациент не интересует меня больше, чем я сам. Он нечаянно перефразировал известную

нам фразу Руссо. Каким, спрашивается, образом индивидуальное «я» есть именно индивидуальное и неповторимо личное Я? Где мои корни и подлинные качества, где мое прошлое и есть ли у покидающего людей «я» – будущее?

Эти признания, эти неистовые и обреченные попытки выявить и осмыслить непостижимые (отчасти внушенные состоянием общества, но и врожденные) противоречия своего душевного и умственного устройства, сопровождаемые «отвратительными» признаниями и упорным отстаиванием своего права быть собою, «собой и только, до конца», как-то утвердить свою природную благодать и прекрасную своеобычность души, несмотря на все ее постыдные провалы, – неотступны.

Ведь на самом деле я заслуживаю любви, просто я «другой», а не «злодей». Вот он, вот весь Жан-Жак Руссо.

Современники понимали его гораздо хуже, чем должны бы понимать мы, нынешние. Это не означает требования непременно любить его, как нескрываемо полюбил, например, я.

Зачем *теперь* ему это нужно? – но он, как и любой автор, должен быть понятым объемно.

Этого он напряженно ждал и от потомков.

Овнешнение внутреннего диалога – поиск авторитетного, объективного судьи и центра, способа взглянуть на себя со стороны? Но такого буквального способа, т. е. мыслей вне мышления, как справедливо утверждал, в частности, Витгенштейн, нет.

Даже если веровать в божество.

Поскольку верование тоже внутри «я». Разговоры с Богом, моления о насущном для вас не имеет ответов и действий с его стороны... Или они вам известны? Если что-то переменится к лучшему, то молитва Им принята. Это Он помог? А если беда останется, если случатся и новые беды – это Он не захотел помогать? Но за что? Инсульт может случиться, а может не случиться. И всякий раз это взгляд на меня извне, с высоты небес?

Однако мы ничего не знаем об этом и не можем знать. Тут можно доверять либо Ему, либо генетике, либо медикам, либо теории вероятностей...

Извиняюсь за жуткие банальности. Однако в моей стране теперь их высказывают несопоставимо реже, чем противоположные банальности, ставшие практически обязательными, а безбожные высказывания некорректными, задевающими верующих, начиная якобы с высших руководителей государства, которые с опозданием выучились креститься. А как насчет безапелляционных высказываний, задевающих атеистов, тоже выстрадавших свое неверие?

Нет, я не забыл о Руссо. Мне просто свойственно непростительно отвлекаться от конкретной темы обсуждения.

Ведь это и для верующих так – относительно внерациональной таинственности Бога, да хотя бы Троицы или непорочного зачатия – в соответствии и с церковной христианской догматикой. Поскольку ответ последует, лишь когда отлетит душа. Пути Господни для нас неисповедимы. Чего мы стоим, знает только Бог, и его решение даже в смертный час никому из нас не ведомо, Окончательный приговор отложен и свершается после жизни. «Почему – не нам судить»... Бог – это бесконечность и мистическая тайна. Вот после смерти узнаем больше. Скорее бы узнать.

Руссо веровал, как неоднократно отмечалось, потому что считал веру *для себя лично* необходимой. Ибо ведь его душа не может умереть! Это было бы слишком ужасно и несправедливо. Как тогда выдержать бедствия? Следовательно, существует бессмертие всякой души. По этой основной причине... рациональный Руссо вынужден, пусть иррационально, но верить.

Однако, как мы помним, по Руссо, видеть и беседовать непосредственно с Богом немислимо. Определить Его логически немислимо, поскольку он бесконечен. А человеческий разум конечен. Мы усматриваем Его только в Его творениях, т. е. в природе и в собственной душе.

Боюсь, что, так сказать, субъективный пантеизм Руссо по-своему оправдан. Он и тут честен, говоря с собой и с читателем.

Но позвольте от богословских проблем вернуться к позициям современного светского мышления и философии. Речь идет об *овнешнении в пределах себя*.

Нескончаемы споры о «природе человека». Одни твердят, что она не меняется. Мол, мотивы и характер человеческих стремлений одни и те же от древности до наших дней. Теперь это повторяемое на каждом углу общее место.

А от одного прекрасного швейцарского лингвиста и этнолога я недавно услышал ироническое: «Я не знаю, что такое природа человека».

Это, пожалуй, крайности. Надо сначала задать простейший вопрос, говорим ли мы о биологической или лучше антропологической природе человека или об его исторической и культурной природе. Я не в силах понять, почему очень умные и яркие люди не задаются перед высказываниями таким предварительным и обязательным, простите, научным вопросом.

Разумеется, у людей любых времен и пространств есть нечто общее не только даже в биологическом, но и в социальном плане (наличие коллектива, пусть пока лишь родового и племенного, с иерархией индивидов), иначе их нельзя было бы исторически сравнивать. Не менее понятно, что между этими людьми разных обществ и культур существуют глубочайшие различия «природы» в культурологическом и собственно историческом плане. Неловко выговаривать такие банальности, однако приходится. Смягчу их толикой юмора, пусть грубоватого и не слишком точно. Все природное, что ниже пояса и даже выше вплоть до шеи – антропологически и биологически неизменно, начиная с неандертальцев. Правильней же сказать, что эта природа *Hominis Sapiientis* меняется во временных интервалах, несоизмеримых с историко-культурными критериями пос-

ле первого «осевого времени». Как мамонты вне собственно истории (в человеческом, а не эволюционно-биологическом значении термина) постепенно превращаются в слонов...

Что до головы, что до начинки мозгов, то здесь не только возникают глубочайшие различия их «природы», но и такие различия требуют собственных понятий и терминологии. И тут иная определяющая инстанция.

Эта инстанция – мои же убеждения и принципы, за которые я в ответе перед тем, что Фрейд называл Супер-Эго. То есть перед собою же. Или перед тем, что я решил считать наиболее важным в своем «я», внешним и внутренним одновременно, короче, своим *credo*. Или выразимся несколько иначе, это то, что, безусловно, внутри меня, но одновременно и выше меня наличного, опять-таки неполное совпадение личности с собою же. Впрочем, все, что отмечено здесь, так или иначе было сказано гораздо выше. И до меня, конечно.

Это труднейшая и трагическая, а в пределе безумная штука для ума, для усилий самопознания. Ибо эти усилия по определению бесконечны для каждого из нас, не имеют дна и завершения.

Не Руссо ли первым со всей силой ощутил это на себе, решившись на глазах читателей судить о Жан-Жаке? Раздвоившись – и оставаясь целостным и единственным.

Самое удивительное и трагическое в нем, пожалуй, даже не проективное воображение в замечательных полутопических трактатах, а упорное и радикальное изменение ценностей частной жизни. Притом, как мы увидели, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что из личного своеобразия растут и социально-политические, и социально-культурные, и этические теоретические построения, отличающие его от других философов Просвещения.

Так он, если выразиться осторожно, вплотную подошел к *открытию «личности» и «индивидуальности»*. Или не подошел, а ввел их *идейно в европейское культурное самосознание*? Во всяком случае, он первым и наиболее наглядно

полностью расчистил смысловое поле для введения в культуру столь важных в дальнейшем для модернизации «природы» самого человека *понятий*.

В этом смысле, дитя французского Просвещения и XVIII столетия, Руссо ближе к XIX и особенно XX в. Я, как и многие историки культуры, полагаю, что феномен Руссо оказался более «долгоиграющим», чем любого из великих энциклопедистов, не исключая Вольтера. Пытался на свой лад пояснить, почему это произошло.

Он во многом, разумеется, позади нас, но в главном, по крайней мере, для большинства человечества, все еще впереди.

Было бы оправданным предоставить последнее слово самому Жан-Жаку. Еще раз разъяснив противоположность между «l'amour de soi» (любовью к себе) и «l'amour propre» (самолюбием) и указав, что в человеческом обществе страсти, предрассудки, те или иные обстоятельства и помехи *меняют* человека и отклоняют от его исходного естества в разные стороны (*fait prendre la change à l'homme*), Руссо подчеркивает *неизбежность различий* между людьми.

И далее: «*Существа, столь своеобразно устроенные, по необходимости должны проявлять себя иначе, чем обычные люди (les hommes ordinaires). Невозможно, чтобы обладая столь модифицированными душами, они не внесли бы в свои чувствования и в свои идеи отпечаток этих модификаций. Если такой отпечаток ускользает от тех, кто не имеет никакого понятия об этом способе бытийствовать (cette manière d'être), его не могут избежать те, кто с ним знаком и кто сам им проникнут. Этот характерный признак, по которому такие люди сходятся, и то, что придает высокую ценность такому [личному] отпечатку, – для других настолько неведомо, что они не в силах даже подделаться под своеобразие (...) и это различие сказывается равным образом в сочинениях» (Dialogues, p. 65–66).*

На том и покончим.

P. S. Не могу не высказать сердечной признательности тем людям, без помощи которых эта книга не могла бы быть написанной и изданной. Это А. Доронин и А. Россиус, раздобывшие для меня новейшие парижские издания оригиналов Руссо, а заодно и работу профессора Старобински, с которым я спорю; это В. Кржевов, взявший на себя некоторые издательские и компьютерные заботы; это мой незаменимый компьютерный наставник А. Заровкин; и, наконец, моя жена Надежда Баткина, которая помогала вычитать текст и тоже проявила инициативу в деле его публикации.

А еще спасибо, конечно, фантастическому Интернету, благодаря которому я получил оригиналы двух трактатов Руссо и кое-какие редкостные и удивительные иллюстрации.